

Владимир КАТКЕВИЧ

Март 53-го на Дальних Мельницах

В первом часу ночи позвонили. — Дежурный по редакции майор К. слушает, — доложил ответственный секретарь, выпустивший номер армейской многотиражки.

— Как связаться с командиром 145-й дивизии? — спросили недовольно. — У телефона Сталин!

На откидном календаре с корешками оторванных листочков было 25 апреля 1953 года. Со стены на майора шурился генералиссимус Сталин в траурной рамке. Выпускающий достал из кобуры пачку "Беломорканала", оружие не носил принципиально, чтоб не испугать в темное время суток шпану на Дальних Мельницах, щелкнул австрийской зажигалкой с изображением колеса обозрения в венском парке Пратер, впустил дым, закашлялся и пошел сухо докашливать к линотипу.

— Семеныч, вот здесь, — наборщик тыкнул в строчку, подчеркнутую красным карандашом: — "Интересно прододят..."

У линотипа пахло рыбой. Линотипист участвовал в трех "сталинских" рейсах на китовой флотилии "Слава", где тоже печатал многотиражку. Майор машинально взял с солдатской тумбочки китовый ус, потерял проволочку жесткую волосню, понюхал пальцы.

— Политзанятия в "энской" эскадрилье, — расшифровал собственные каракули. Взял из пачки свежий номер многотиражки "Советский пилот", бывший "Сталинский сокол". На призрачной фотографии был запечатлен уже вылупившийся из лесов четырехэтажный дом на Дальних Мельницах, возведенный для летчиков в устье улицы Ударников.

Звонок взбудоражил. Светало. По Советской Армии прогромычал первый трамвай. Майор сдал дежурство, свернул португепю, легко шагнул в открытое настееж окно, благо гигантские витринные окна в доме № 99 по улице Чкалова заканчивались почти у тротуара и, скрипя яловыми сапогами, направились к остановке одиннадцатого трамвая, что напротив зоопарка.

"Дивизию назвал 145-й, — подумал, — хотя, наверняка, знает, что она уже 268-я. И сталински ее уже не принято называть. Зачем ему командир?"

Преодолевав затопленную после дождя улицу Фрунзе, одиннадцатый повернул к Дальним Мельницам. Черреда остановок обозначала узлы рабочей жизни: завод запчастей, поршневы колец, "макаронка", дрожжевой, джутовая, и на обратном пути после кольца еще пуговичная довеском, как будто о ней забыли.

Авиационным обещанием был установленный клубом ДОССАФ против завода запчастей истребитель Ла-7 с красным коком. Коки, носовые выступы на фюзеляжах самолетов 145-й дивизии, которой командовал Василий Сталин, принято было красить алой краской.

В 49-м расквартированные в

Рансдорфе под Берлином 813-й, 732-й полки и еще два полка из Дальгофа снялись и передислоцировались в Одесский военный округ, теперь уже в составе 268-й дивизии, пополнив 5-ю воздушную армию. Один из полков перевели в Херсон, а два стали обживать пыльную степь за Ивановским переездом.

Семьи летчиков размещали на частных квартирах, под абрикосами сушили защитные офицерские рубашки и манишки. Форму приспособили к аэродромной жаре, отрезали у рубашек лишнее, надевали остаток с галстуком на манер слюнявчика под китель, но на кителе все равно выступала соль.

Такой концентрации авиационных мощностей Мельницы не переживали никогда и, надо полагать, им это уже не грозит.

Помню, как зычными гудками индустриальные Мельницы провожали вождя. Поскольку окрестные пищевые и другие производства нацелены были больше на женское участие, в скорбном марше из общежитий на Володарского доносились искренние женские причитания, как в деревне: "Ой, на кого же ты нас, родненький..."

Самолеты выли яростнее, ночные полеты не прекращались.

Аккурат в тот знаковый год из братской Индии привезли на джутовую фабрику тлю в тюках, и она сожрала листву на абрикосах, что особенно огорчило сверхсрочников из ангажированных местных.

Структурный состав военной авиации предполагает присутствие огромного количества сверхсрочников. И сверхсрочники. На Мельницах можно было встретить женщин в военной форме из ЖОБСа, женского общежития связи. Замысловатая авиакокарда не помещалась на беретках, и связисткам разрешили носить солдатские звездочки.

Сверхсрочники же в галифе снова в изобилии и пугали мельничных барышень звонками трофейных велосипедов, почему-то чаще дамских.

— Я думала, вагон! — кокетничали барышни, наряженные в невесомые сарафаны, пошитые из парашютов.

Старшиной, правда, с музыкальным профилем, был и муж моей первой учительницы Анны Захаровны, он играл на кларнете в авиационном оркестре. В строю оркестрантов автор заметил и воспитанника, ровесник открыто по-взрослому курил папиросу.

В туалете 110-й школы старшие ребята тоже курили, разглядывая сделанные в воздухе фотографии немецких самолетов, из кабин улыбались в объектив пилоты Геринга. Снимки привезли из военных городков Дальгофа. В школьном нужнике переросток наклонился и сказал мне:

— А ну, дыхни. Ты курил!

Я старательно дыкнул, и переросток плюнул мне в рот, мокрота была с табачными крошками.

Самолет на дальгофских фотогра-

фиях были, понятное дело, поршневыми, в небе же над 110-й школой чертили инверсионные следы МиГ-15.

Переучиваться на реактивную тягу и получать новые машины летчиков командировали в Новосибирск, где им очень не понравилось. На Мельницы возвращались с желанием.

Масштабное освоение сверхзвуковой техники проходило с издержками, порой техника подвела, дивизия несла потери, похоронные процессии с линейными у бровки растягивались от Дальних Мельниц до Молдаванки, хоронили в закрытых гробах. Помню, как разбился в спарке летчик-ас Медведев со вторым пилотом Цыкало, самолет рухнул на полях селекционного института. Когда жен еще не пусkali в Германию, Мария Медведева прилетела к мужу в фюзеляже боевого "Лавочкина".

Сначала разрывы в небе воспринимались населением очередной катастрофой, которую утаивают. Бабки крестились. Квартировавшие во дворах летчики объяснили, что грохот возникает при преодолении звукового барьера. Но звуковой барьер был настолько нематериальным прорывом в сознании, что многие упорно не верили и полагали, что беду опять скрывают.

Голуби с сверхзвуковым разрывом упрямо не привыкали, взмывали свечой в раскаленную лазурь, трепыхались тряпками.

Быстрее адаптировалась домашняя птица и собаки. А когда к оглушительной жизни вынужденно привыкли и хозяева, жители не распознали настоящий взрыв. В ту ночь на МиГ-15 разбился старший лейтенант Г-ов.

На похоронах автор положил конфету "Старт" в ладошку однокласснице Светлане Г-овой, сидевшей в кузове застеленного немецким ковром грузовика. Другой трехосный грузовик вез лафет с гробом.

Между тем изображенный в "Советском пилоте" четырехэтажный дом с арками, магазином и почтой на кольце 11-го трамвая, наконец, заселили. Он выглядел авансом. Тогда возле него можно было запросто встретить летчика в полевой форме со звездой Героя за Германию или Корею, беззаботно лугающего семечки в стайке сослуживцев. На одиннадцатом авиаторы ездили в город на проспект Сталина, где находилась вечерняя школа для офицеров.

Мать одноклассницы Светланы Г-овой после гибели мужа тоже вышла замуж за Героя Советского Союза, кажется, майора, но, правда, таиниста.

Сгоряча мечтали о застройке всех Дальних Мельниц такими же ладными четырехэтажками, но строительство споткнулось на первом здании, потом продолжилось уже за Ивановским переездом, но и там надежды не оправдались. В разное время попытки наступления на пыльное село Курсаки почему-то захлебывались сначала на пятиэтажных "хрущевках", потом на девятиэтажках, что венчают улицы

Щорса и Кордонную. Правда, солдаты успели построить клуб селекционного института с мощными фигурами колхозников, обнимающих снопы. В клуб на обед коробки маршировали с песней "Солдаты в путь".

Строительный вектор изменил направление, и потому преимущества полноценной окраины сохранялись, доступными остались свалки. Со свалки привозили дырчатые листы жести, из которых что-то наштамповали одинаковое. Ажурными листами огораживали огороды. Коренное население собирало на путях уголь, просыпавшийся из вагонов. И конкурентов у них в этом промысле не было, дальше — степь, аэродром, а если из села Курсаки наведывались конкуренты, мельничные их прогоняли. Самые ленивые крали уголь прямо из тендеров паровозов, отдыхавших на товарной станции. Из угольных складов на Онежской не крали, потому что там вохровец кого-то показательно застрелил из нагана.

Линия жизни четко ограничивалась линией железки, дугой, окаймляющей Мельницы. Пересекая ее, неудачники уходили в вечность. В памяти трое взрослых мужиков, которые в разное время при пьяных обстоятельствах закончили жизнь на рельсах. Одним из погибших был Гарик, сын хозяйки тети Сони, который нас обокрал.

Штучные новостройки упорно оземлялись, но на чашке саженцы глядели без надежды, казалось, они не примутся, и окраина останется все такой же пыльной и голой. Удаленность от моря обостряла мечту о нем, мастеровые мужики в перерывах между лазанием по голубятам строили во дворах плоскодонки.

Парк имени Ленинского комсомола, несмотря на болотную близость прудов, так и не достиг ландшафтного размаха и кудрявости, он до сих пор пребывает в запустении. Даже поставленный напротив химзавода спиванный гражданский аэроплан в нем не прижился. Из полудикого состояния этот оазис никогда не выходил, в его дебрях регулярно кого-то грабили или насиловали, или находили младенцев-подкидышей.

По субботам на танцплощадку парка привозили солдат. Таких масштабных танцевальных форумов при неутоленном дефиците кавалеров не было ни на одной танцплощадке города. Обилие "джутарок", работниц джутовой фабрики, гарантировало востребованность самому завалачному кавалеру, у которого не было шансов на "бац-майдане", танцплощадке парка Ильича, или на "Ромашке" парка Шевченко.

В половине десятого музыка замолкала, и ответственный офицер, обычно замполит роты, командовал:

— В походную коробку становись!

Служивых увозили в бортовых грузовиках. Машины безнадежно и несправедливо застрелили перед шлагбаумами на комплексном Ивановском

переезде, который был чаще опущен, чем поднят, барышни липли к грузовикам и договаривались о встрече.

Однажды в ловушку у переезда угодил "Победа" генерала, командира дивизии. Генерал выбросил окурки албанского "Люкса", цыганка докурила окурки и попросила позолотить ручку. "Победа" угодил в ловушку, ее блокировали кибитки табора, ежедневно кочевавшие через переезд утром на Привоз, а вечером назад, на Троицкий поселок. Гадалка же не теряла времени и вывела командира дивизии из себя, наворожив беду. Генерал расщепился, думал, что снова ждать чего, кто-то непременно разобьется, но чепз не случилось, а вот сам комдив скорострительно скончался на учениях под Маркушештами. От сердечной недостаточности.

Чувствительным транспортным облегчением для Дальних Мельниц выглядело открытие линии 3-го троллейбуса. Впоследствии конечная остановка на Иваново после продолжения маршрута до 2-й заставы стала музеем Ильичевского района, а потом даже возвысилась до молеванного дома.

Вторым прорывом стало строительство Ивановского путепровода. Однако, несмотря на мост, Дальние Мельницы так и не застроились элитными евротермитниками, сохранив самобытность и неуместную наивность. К нарушившему этот ритм дому на конечной одиннадцатого притерпелись.

Небесную лазурь над Мельницами больше не усиливали голубые околыши фуражек под абрикосами. Мельницы удалились безвозвратно, заслонились, стали еще более Дальними, почти нереальными, но мало изменились, разве что на подоконниках не встретил больше статуеток из барварского фарфора.

В эти приземистые оконца когда-то стучали посылные с противогазными сумками. О предстоящей учебной тревоге знали дня за три, загодя укладывали портянки.

Нет больше на Баумана подвала с надписью "ГАС", откуда пахло керосином. К керосинному подземелью армейский автобус в 54-м подвез увешанного противогазом, плащакидкой и другим снаряжением пишущего майора Константина Семеновича К., вернувшегося с испытаний атомной бомбы. В Токских лагерях под Оренбургом он тоже выпускал многотиражку. Об атомной бомбе Дальние Мельницы тоже, разумеется, знали загодя.

Недавно в тамошнем гастрономе, так и не облагороженном до супермаркета, услышал нечаевское: "Далеко, далеко, где кочуют туманы..."

Раскрепощенную выпивкой певичку не совестили, не понесли, возможно, привыкли. Автор угостил ее стаканом вина. Когда дама выпила, положил ей конфету в ладошку... совсем как 53 года назад. Светлана Г-ова, одноклассница из 1-го "А", дочь разбившегося старшего лейтенанта, автора не узнала.

группы написали письмо генералу Donovanу: "Мы, заслуженные офицеры и джентльмены, не можем понять, почему сержанты Фензен, Лоссовский и Гофф еще не произведены в офицеры?". Солдаты-евреи были поражены, когда генерал Donovan перед строем лично вручил им офицерские погоны и удостоверения.

Гофф также участвовал в высадке американских войск на побережье Анцио на Сицилии. Он тренировал отряды, которые действовали за линией фронта. За короткое время было обучено двадцать две группы, которые в большинстве своем попали в руки немцев. Гофф же не потерял ни одного отряда.

И. Гофф готовил план похищения фельдмаршала Кессельринга, аналогичный освобождению Муссолини с помощью Скорцени. Но этот план сорвался. Многократно, но безуспешно генерал Donovan пытался добиться повышения Гоффа в чине и присвоения ему звания капитана, которое он уже имел шестью годами раньше в Испании.

Neue Zeiten
Дюссельдорф.

Фрида АБРАМОВИЧ

Путь Ирвинга Гоффа из Бруклина в Испанию

ПРОТОТИП ГЕРОЯ РОМАНА ЭРНЕСТА ХЕМИНГУЭЯ «ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ»

У американца Роберта Джордана существовал реальный прототип. Это американец еврейского происхождения Ирвинг Гофф из бруклинского гетто Нью-Йорка.

Родители Ирвинга Гоффа эмигрировали из Одессы в 1900 г. Его отец был ремесленником с классовым революционно настроенным сознанием. Ирвинг Гофф родился в Нью-Йорке в 1900 г. Почти ребенком ему пришлось драться с другими ребятами из антисемитских банд Бруклина и Лонг-Айленда. Он рано прервал свою учебу, так как нужно было помогать семье. Экономический кризис заставил его брать за любую подвернувшуюся работу. Он работал продавцом в мясной лавке, спасателем на пляже, акробатическим танцором в кабаре, а потом акробатом в цирке. В это же время он был активным членом коммунистической лиги молодежи США.

Сам он понимал коммунизм как борьбу против антисемитизма в широких кругах американского общества.

И. Гофф был одним из первых добровольцев, которые направились из США в Испанию. Поначалу он — рядовой солдат на многих фронтах республиканской испанской войны. Позже ему было поручено командование парком грузовиков 15-й интернациональной бригады. Однако на базе в Альбасете сорвиголовы подолгу не задерживались. Благодаря своей настойчивой просьбе он стал солдатом партизанского подразделения — Brigade Special, которая неделями действовала на вражеской территории за линией фронта. Самой знаменитой операцией было выведение из строя железнодорожного сообщения Малага — Гранада и Малага — Кордоба. Эрнест Хемингуэй два раза принимал участие в этих операциях. Партизанская груп-

па Ирвинга Гоффа насчитывала двести человек. Первой операцией Гоффа был взрыв военного итальянского поезда между Малагой и Кордобой.

Операция у Ла Корхуны вошла в анналы истории гражданской войны в Испании. После прорыва на северном фронте 315 офицеров из Астурии попали в плен к фашистам и были заключены в крепость Ла Корхуна, которая считалась неприступной, так как достичь ее можно было только со стороны моря. Неминуемая смерть от рук расстрельной команды генерала Франко грозила офицерам. Гофф и еще 34 партизана-добровольца вызвались на операцию по освобождению, которую предполагалось провести внезапно, буквально свалившись с небес на голову. Группа высадилась на маленьких лодках и разведала обстановку. На следующий вечер была захвачена охрана, пере-

резаны телефонные провода, атакован арсенал крепости, а заключенные освобождены и вооружены. Начался форсированный марш на Галахонду, где был захвачен целый гарнизон в центре территории, занятой фашистами. На следующий день с большим ликованием освободители и освобожденные добрались до своих.

Только в январе 1939 г. Гофф вернулся в Нью-Йорк в числе последних воевавших в Испании американцев. В 1941 г. он добровольно идет служить в американскую армию. Он окончил курс парашютистов-десантников; сначала воевал в Северной Африке, потом попал на итальянский фронт и стал членом группы саботажа и шпионажа Центрального разведывательного управления США под командованием генерала Билла Donovanа.

Здесь испанские бойцы все время повышались в звании. Офицеры этой